

**ПОДЛИННИК МАНИФЕСТА
ОБ ОТРЕЧЕНИИ В ПЕТРОГРАДЕ**

Ясное морозное утро, но уже в воздухе чувствуется весна. Измайловский весь увешан флагами. Народа масса, и чем ближе к вокзалу, тем толпа все гуще и гуще. Медленно пробирается автомобиль среди этого живого моря к вокзалу со стороны прибытия поездов. Вдруг мне навстречу слева Лебедев, медленно идущий в своей шегольской шубе с поднятым воротником. Испускаю радостный крик, но он делает мне тревожно отрицательные знаки. Приказываю автомобилю повернуться. Сделать это в толпе нелегко. Наконец повернулся и за мостом, там где был убит Плеве, нагоняем Лебедева. Влезает. Вид у него сильно озабоченный.

— Где же акт, где Гучков?

— Акт вот, — хрипло шепчет Лебедев, суя мне в руку какую-то бумагу. — Гучков арестован рабочими.

— Что?.. — спросил я заплетающимся языком, суя в боковой карман тужурки акт отречения.

— В министерстве расскажу.

Молча входим в кабинет к Бубликову, там сидит Добровольский и довольно много служащих.

— Ну что? как?..

— Ничего, но... Александр Александрович, у меня есть к вам сообщение совершенно доверительного характера.

— Выйдите, господа, на минуточку. Никого не пускать.

Остались мы вчетвером: Бубликов, Добровольский, Лебедев и я.

— В чем дело?..

— Гучков арестован... Акт отречения вот...

Как не сенсационна была весть об аресте Гучкова, глаза всех, забывая о нем, впилась в положенный мною на стол кусочек бумаги.

«Ставка. Начальнику штаба».

— Достукался, — произнес Бубликов после минуты

молчания. — Итак, будем присягать Михаилу... Да, а с Гучковым-то что?

— Когда поезд его пришел в Петроград, его здесь встретило порядочно народу, — начал Лебедев, — и он еще на вокзале говорил две речи... а затем пошел на митинг в мастерские.

— Старый авантюрист, — пробормотал Бубликов.

— Когда я приехал, он уже был в мастерских, а Шульгин, член Думы Лебедев, который был в Луге, и начальство сидели в кабинете начальника станции. Было известно, что в мастерских неспокойно. Настроение было тревожное. Затем из мастерских передали, что Гучков арестован, что акта у него не нашли и что идут обыскивать других депутатов, чтобы уничтожить акт.

— Зачем?

— Товарищи переплетчики желают низложить царя, да и все остальные, кажется... отречения им мало.

— Ну, а потом?

— Потом депутат Лебедев передал мне акт, я потихоньку закоулками, на другую сторону, да и дал тягу.

— А Гучков? А другие депутаты?

— Не знаю.

— Я сейчас буду разговаривать с Родзянко, а вы, господа, узнайте, что с депутатами.

Комиссары заперлись, а мы пошли к себе. Акт отречения не давил даже, а жег мне левый бок. По телефону сообщили, что Гучкова выпустили и что он с Шульгиным и Лебедевым уехали в Думу.

С этим известием я вошел к комиссарам. Они представляют полную противоположность. Спокойный, даже, скажу, безразличный, эпикуреец Добровольский, одетый как модная картинка, рассеянно рассматривал свои ногти. Бубликов, растерянно, неряшливо одетый, с отеком от бессонницы лицом бегал по комнате, сверкал глазами и произносил проклятия, как язычник.

С их слов, довольно бессвязных, я понял, что в городе положение примерно такое, как на вокзале. Большинство рабочих против отречения. С раннего утра, вернее с ночи, в Думе между Комитетом и Советом идут об этом горячие споры. Совет усилен «солдатскими» депутатами.

— Грамоту ищут по всему городу. Возможно, и сюда придут. Где она? — спросил Добровольский.

— У меня в кармане.

— Это не годится. Надо спрятать.

— Положить в несгораемый шкаф. Приставить караул.

— Нет, положить в самое незаметное место... и не в

этой комнате... конечно, сохранение этой грамоты или не-
сохранение положения не изменит, но все-таки... во-пер-
вых, отречение освобождает войска от присяги... во-вто-
рых, ее уничтожение окрылит черные силы.

— А не снять ли нам, Анатолий Александрович, с акта
несколько копий?

— Пожалуй, но только чтобы никто ничего не знал.
Составим комитет спасения «пропавшей грамоты» из трех.

— Нет, из четырех. Лебедев ее спас.

— Правильно, позовите его сюда.

Пришел Лебедев, ему объявили положение, и мы с ним
отправились снимать копию в секретарскую. А комиссары
начали принимать доклады разных учреждений министер-
ства. Лебедев диктовал, я писал. Когда копия была готова,
я позвал комиссаров в секретарскую. Мы все четверо заве-
рили копию, а подлинник спрятали среди старых запылен-
ных номеров официальных газет, сложенных на этажерке в
секретарской.

— Ну, теперь по копии можно начать печатание,—
сказал я.

— Нет, надо спросить Думу,— возразил Доброволь-
ский.

— Зачем? Ведь чем скорее грамота будет напечатана,
тем скорее весь этот шум прекратится. Да и притом набор,
корректурa, печать — все это потребует времени. А кроме
того, наборщики ждут.

— Нет, надо спросить.

Через несколько минут последовал приказ: «Не печатать,
но наборщиков не распускать»...

Часть вторая

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ